

УДК 130.2
doi:10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.12
5.7.7.

Объекты цивилизационной безопасности в глобализирующемся мире: философский подход

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия,
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Аннотация. В XXI веке цивилизационная безопасность занимает особое место в системе глобальных стратегий устойчивости. В статье рассматриваются ключевые объекты цивилизационной безопасности, среди которых идентичность, коллективная память, язык, история и иные смысловые элементы, определяющие символический порядок и культурную субъектность цивилизации. Исследование основано на культурно-цивилизационном и социально-философском подходах, с акцентом на категоризации понятий безопасности, идентичности и цивилизационного суверенитета. Цивилизация понимается как смысловой и антропологический конструкт, устойчивость которого зависит от способности удерживать историческую преемственность и образ мышления, задающий представления о должном, справедливом и возможном. Особое внимание уделено анализу процессов разрушения границ цивилизационной безопасности и трансформации ее смысловых оснований под влиянием глобализации. Показано, что воздействие на идентичность функционирует как форма «мягкой силы», подрывающая способность цивилизации к самосохранению. Обеспечение цивилизационной безопасности трактуется как способ защиты целостности культурного мира человека, нации и государства в условиях размывания цивилизационных границ.

Ключевые слова: идентичность, мировое устройство, противостояние, ценности, культура, самобытность

Для цитирования: Ковалев А. А. Объекты цивилизационной безопасности в глобализирующемся мире: философский подход // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 177–188. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.12.

Objects of Civilizational Security in a Globalizing World: A Philosophical Approach

Andrey A. Kovalev

Northwest Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia,
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Abstract. In the 21st century, civilizational security occupies a special place in the system of global sustainability strategies. The article examines the key objects of civilizational security, including identity, collective memory, language, history and other semantic elements that determine the symbolic order and cultural subjectivity of civilization. The research is based on cultural, civilizational and socio-philosophical approaches, with an emphasis on categorizing the concepts of security, identity and civilizational sovereignty. Civilization is understood as a semantic and anthropological construct, the stability of which depends on the ability to maintain historical continuity and a way of thinking that sets ideas about what is due, just and possible. Special at-

tention is paid to the analysis of the processes of destruction of the boundaries of civilizational security and the transformation of its semantic foundations under the influence of globalization. It is shown that the impact on identity functions as a form of “soft power” that undermines the ability of civilization to self-preservation. Ensuring civilizational security is interpreted as a way to protect the integrity of the cultural world of a person, nation and state in the context of blurring civilizational boundaries.

Keywords: identity, world order, confrontation, values, culture, identity

For citation: Kovalev AA. Objects of Civilizational Security in a Globalizing World: A Philosophical Approach. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2025;13(3):177-188. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.12.

Введение

Нации-государства, сформировавшиеся еще в XVII–XIX вв. и оказывавшие влияние на мироустройство, к XXI в. существенно трансформировались под влиянием глобализации и дифференцировались на корпорации-государства и государства-цивилизации. Стоит обратить внимание на их основное отличие. Так, если в государстве-корпорации субъектом обеспечения безопасности является автономная личность с полным спектром прав и интересов (гражданская безопасность), то в государстве-цивилизации суверенитет государства и коллективная идентичность с сохранением индивидуальной идентичности преваляют над автономией личности (цивилизационная безопасность). Таким образом, в качестве субъекта обеспечения цивилизационной безопасности выступает государство-цивилизация (см.: [Мелешин, Шабалина 2023, с. 148]).

В настоящее время происходит борьба за установление модели будущего миропорядка, согласно логике которого и будет преобразовываться мир. Именно поэтому некогда актуальная национальная безопасность, бывшая таковой в период господства наций-государств, уступает место цивилизационной безопасности. Важно отметить, что ценности и идентичность предстают в качестве ключевых объектов цивилизационной безопасности.

Некогда прогнозируемый Ф. Фукуямой «конец истории» не состоялся [Fukuyama 1992], глобальное слияние под влиянием всеобъемлющей политики вестернизации и образование мирового правительства также оказались утопичными идеями. Именно поэтому весь мир и каждый отдельно взятый человек оказались перед выбором дальнейшего пути своего развития и в целом существования. США как самопровозглашенный гегемон уже готовились к установлению однополярного мира по американскому сценарию, однако незападные цивилизации (крупные державы) в последние десятилетия осознали важность сохранения и защиты собственной уникальности и принципиальную значимость цивилизационной безопасности как средства сохранения своей самостоятельности и независимости как внутри, так и вовне.

Почему вопрос обеспечения цивилизационной безопасности так остро встает перед современными государствами-цивилизациями, отстаивающими свою идентичность и уникальность в мире западных стандартов? Дело в том, что весь развитый мир построен по западному образцу, и государству-цивилизации непросто (и даже невозможно) отойти от этих правил, чтобы существовать согласно собственным нормам и идеалам. Например, вся IT-сфера работает по западным стандартам (получение сертификатов, правила написания кодов, прохождение обучения с целью получения работы в крупных IT-компаниях и пр.), поэтому невозможно проигнорировать правила деятельности этой сферы, желая закрепиться в ней. Именно поэтому не стоит ориентироваться на отказ от всего внешнего, напротив, нужно осознать, что учиться полезному у других – это правильно. Смысл цивилизационной безопасности заключается не в отказах и запретах, а в построении и отстаивании собственной модели развития, основанной на уникальных традиционных ценностях, истории, памяти, языке и прочих смысловых конструктах государства-цивилизации.

Пожалуй, самым показательным примером последнего времени является рекорд хоккеиста А. Овечкина в НХЛ. С одной стороны, он является русским человеком, прославляющим чужую страну; с другой стороны, он бы не смог добиться таких впечатляющих результатов, посчитав все западное неприемлемым и опасным. В этом и заключается сложность обеспечения цивилизационной безопасности – прославлять свою страну, придерживаться ключевых цивилизационных ценностей и принципов, но при этом не изолироваться и не отказываться от передовых достижений современного мира.

Итак, цивилизационная безопасность затрагивает не только вопрос защиты культурных, социальных или политических структур, но также относится к проблеме сохранения целостности и самобытности цивилизации в условиях непрерывных и неизбежных глобальных изменений. Традиционно под безопасностью понималась военная, экономическая или социальная устойчивость, однако цивилизационная безопасность выходит за рамки этих категорий, раскрывая сам феномен цивилизации как смысловую и антропологическую конструкцию.

Современные цивилизации представляют собой исторически сложившиеся формы коллективного бытия, в которых переплетаются локальные культурные традиции, глобальные экономические и политические процессы, а также трансформирующиеся формы идентичности, и находятся в двойственном положении. С одной стороны, технологический прогресс, глобальная информационная взаимосвязь и массовая культурная коммуникация способствуют расширению контактов и ускоренному обмену знаниями и информацией. С другой – эти же процессы ослабляют уникальные смысловые структуры, размывают традиционные границы идентичности и подрывают механизмы цивилизационного самосознания.

С позиции философско-антропологического подхода цивилизацию нельзя рассматривать как механическое объединение людей на основе политических или экономических связей, под цивилизацией следует понимать особую форму человеческого существования, основанную на передаче смыслов, формировании идентичности и сохранении исторической преемственности. Таким образом, человек существует не просто как биологический организм, а как носитель смыслов, соотносящий свое бытие с определенной культурно-цивилизационной средой. В тех случаях, когда эта среда разрушается, утрачиваются механизмы культурной трансляции или исчезает способность общества осознавать себя как целостную цивилизационную систему, имеет место угроза не только культурного кризиса, но и антропологической деформации, в которой человек теряет свою идентичность и перестает быть субъектом собственной истории [Великая, Тартыгашева 2020].

Большое значение в процессе обеспечения цивилизационной безопасности имеют ее объекты, под которыми следует понимать важнейшие элементы культурно-духовного пространства, от устойчивости и сохранности которых напрямую зависит жизнеспособность цивилизации как средоточия уникальных свойств, способствующих саморазвитию. К объектам цивилизационной безопасности можно отнести идентичность, язык, историческую память, ценности, символы и ряд других культурно-символических элементов, а также самого человека как носителя уникальной национальной культуры. Поэтому объекты цивилизационной безопасности необходимо рассматривать в качестве защиты от угроз, исходящих от глобализации.

Цивилизация как смысловой и антропологический конструкт

Итак, что же представляет собой цивилизация? Цивилизация – это не просто форма организации общества, а способ бытия человека, в котором смысловая целостность и историческая преемственность формируют уникальную систему отношений с миром. Сущность цивилизации нельзя свести лишь к технологическим достижениям, экономическим структурам или политическим институтам, которые являются лишь производными, внешними проявлениями глубинной смысловой организации, определяющей границы цивилизации, а также ее способность сохраняться в процессе исторических

изменений. Исследование разворачивается в русле философской антропологии, входящей к работам Макса Шелера и Арнольда Гелена, где человек мыслится не как абстрактная единица, а как носитель исторически сложившейся системы смыслов, задающей параметры культурного порядка и коллективного бытия.

«Цивилизация» происходит от латинского слова *civilis* («гражданский», «общественный») и представляет собой смысловой порядок, формирующую структуру, внутри которой человек осмысляет себя, свое прошлое и будущее. Здесь задаются не только формы социального взаимодействия, но и механизмы восприятия времени, истории и идентичности. Цивилизация предстает перед человеком в качестве символически организованной среды, определяющей горизонты познания, ценностные координаты, границы дозволенного и их пределы. Именно поэтому угроза цивилизационной безопасности всегда связана не только с внешними факторами, но и с внутренним кризисом смыслов, который может разрушить цивилизацию изнутри, даже если ее политические и экономические структуры остаются неизменными.

Цивилизации формирует не только способ коллективного существования, но и определенный тип человека. Цивилизационная идентичность, закреплённая в языке, символических системах и культурных кодах, воспроизводит специфический образ человека, в котором содержатся его представления о себе, обществе, природе, космосе, свободе, долге и т. д. Представления о человеке и мире не являются универсальными, так как в разных цивилизациях они формируются по-разному на основании уникальных антропологических конфигураций. Так, в конфуцианской традиции Я человека мыслится через систему иерархических обязанностей и гармонию с родом и государством; в христианской цивилизации акцент сделан на внутренней ответственности перед трансцендентным началом и идее личного спасения; в античной греко-римской модели человек соотносился с *полисом* и идеалом рационального гражданина.

Цивилизация обеспечивает преемственность через механизмы культурного наследования, передачу традиций, устойчивость смысловых структур. Когда эти механизмы ослабевают, цивилизация оказывается под угрозой распада, поскольку исчезает внутренний механизм идентификации, который позволял людям осознавать себя частью единого культурного и исторического пространства. Современные глобальные процессы нарушают механизмы идентификации посредством внедрения и распространения таких феноменов, как цифровая среда, транснациональные структуры управления, унификация культурных кодов, которые способствуют тому, что границы цивилизации становятся размытыми, а человек утрачивает ощущение принадлежности к конкретной смысловой системе.

Границы цивилизации – это не географические линии и не экономические барьеры, а символические структуры, удерживающие коллективное самосознание в рамках единого смыслового поля. Разрушение этих границ нарушает устойчивость цивилизации, даже если ее материальная инфраструктура сохраняется. Разрушение границ цивилизации влечет за собой утрату коллективной памяти, ослабление традиционных смысловых связей, деградацию механизмов передачи ценностей между поколениями, то есть ослабление или полное уничтожение идентификационных начал.

Одним из наиболее опасных процессов, размывающих цивилизационные границы, является глобальная стандартизация смыслов, под которой понимается навязывание универсализированных представлений о реальности, выработанных в рамках доминирующих культурно-экономических систем. Унификация ценностей, стирание локальных традиций, подчинение уникальных смысловых систем шаблонным моделям мировосприятия приводят к утрате цивилизационной автономии. В результате человек превращается в носителя обезличенного мировоззрения, лишённого культурного основания и символической связи с собственной историей.

Тем самым в условиях цивилизационного кризиса человек утрачивает ощущение смысловой непрерывности своего существования, он больше не может воспринимать себя как часть исторического процесса, связанного с предками, культурными кодами,

укорененной системой ценностей. В результате восприятие себя как части целостной культурно-исторической системы начинает подменяться фрагментарными, ситуативными идентичностями, подверженными быстрому изменению под воздействием внешних факторов. Подобная трансформация не только ослабляет цивилизационную безопасность, но и делает человека зависимым от внешних управляющих механизмов, формирующих сознание не через традицию, а через программируемые модели сознания и поведения.

Цивилизация как смысловой и антропологический конструкт существует на основе механизма передачи смыслов, коллективной памяти, устойчивых символических систем, которые связывают поколения и формируют историческое самосознание. В случае деформации или уничтожения этих элементов цивилизация становится культурной симуляцией, в которой внешние формы могут сохраняться, но их внутреннее содержание подменяется новыми, управляемыми моделями, не связанными с логикой цивилизационного самосохранения.

Сохранение идентичности как основа цивилизационной безопасности

Идентичность является основой безопасности. Безопасность – это допустимый в нестабильном обществе риска уровень опасности, который находится под контролем. А идентичности, в свою очередь, в нестабильном мире «являются своеобразными социокультурными якорями, позволяющими человеку обрести некоторую стабильность, а следовательно, социокультурную безопасность и комфорт, а обществам – устойчивость» [Авксентьев 2013, с. 52]. Справедливо отмечено, что «исходные уровни идентичности связаны с традиционной культурой и выполняют функцию самосохранения. Будучи одним из механизмов социализации, идентификация позволяет человеку, который действует в рамках требований общества, приобщиться к культуре общества и чувствовать свою защищенность» [Хлыщева 2018, с. 62]. С помощью идентичности человек получает ответы на вопросы о своей принадлежности, собственном онтологическом статусе, истории своего рода и прочие важнейшие экзистенциально значимые данные.

Национальная и цивилизационная безопасность представляют собой два уровня обеспечения устойчивости социума, различающихся по глубине и характеру затрагиваемых оснований. Национальная безопасность ориентирована на защиту формализованных структур – территориального суверенитета, государственной власти, правового порядка и экономической системы, то есть институтов, обеспечивающих функционирование государства. Цивилизационная безопасность касается более фундаментального уровня – доинституционального, связанного с сохранением культурной преемственности, исторической памяти, смысловых кодов и представления о человеке, сформировавшегося в рамках определенной цивилизационной общности. Здесь речь идет не о защите институтов, а о защите смыслов, определяющих основания долгосрочного существования социума.

Аналогично, национальная и цивилизационная идентичность соотносятся по степени обобщенности и характеру оснований. Национальная идентичность опирается на принадлежность к конкретному государству, объединенному общим языком, правовой системой, гражданским самосознанием и политико-историческим нарративом. Цивилизационная идентичность проявляется на донациональном и наднациональном уровнях, выражая архетипические представления о должном, справедливом, сакральном, о структуре власти, свободе, смысле истории, а также религиозные, ментальные и символические основания. Национальная идентичность может меняться при сохранении устойчивости цивилизационной, однако утрата цивилизационного ядра ведет к разрушению самого основания национального существования. Национальная идентичность существует внутри цивилизационной структуры и соотносится с ней по принципу культурной преемственности.

При всем многообразии идентичностей именно коллективные идентичности, в том числе и цивилизационная идентичность, выступают в качестве объекта безопасности. Тем самым идентичность – это ценность для современного человека, именно поэтому она стала инструментом «мягкой силы» в противостояниях современных цивилизаций [Нусс 2004].

Сущность цивилизационной безопасности сводится к тому, чтобы одновременно и построить собственную модель жизнедеятельности, и мирно сосуществовать с другими цивилизациями. Значимая роль в этом процессе отводится объектам цивилизационной безопасности, особенно идентичности.

Исследуя вопросы идентичности и ее разновидностей, доктор философских наук В. В. Колотуша определил, что «культурно-цивилизационная идентичность представляет собой осознание и чувственно-эмоциональное восприятие своей принадлежности к основным ценностям культуры определенной цивилизации, принятие ее традиций и ценностей, гордость за ее достижения» [Колотуша, Гуреева 2020, с. 116]. Иными словами, идентичность всегда осознанна и добровольна, то есть одновременно рационально и эмоционально обусловлена. При этом профессор справедливо замечает, что крайне редко границы цивилизации и государства совпадают. Зачастую сразу несколько государств входят в одну цивилизацию (например, в западную). Бывает и так, что одно государство разделилось на приверженцев нескольких цивилизаций (по С. Хантингтону, цивилизационные разломы), как это произошло на территории современной Украины. Таким образом, цивилизационная идентичность – это рационально-чувственный выбор, основанный на объективных факторах (общность истории и языка, близость географических границ и др.). Цивилизационная идентичность выстраивается как вертикальная структура – она опирается на преемственность поколений, культурную память и устоявшиеся исторические представления, в отличие от горизонтальных идентичностей, возникающих ситуативно и лишенных опоры на долговременные смыслы.

Таким образом, цивилизационная идентичность выступает в качестве ядра цивилизации, а сохранение этой идентичности будет способствовать обеспечению цивилизационной безопасности (см.: [Мишучков 2014, с. 250]). Цивилизационная безопасность в этом смысле выступает как форма онтологической устойчивости, позволяющей человеку не потерять себя в мире разрушенных смыслов и меняющихся ценностей.

Основания цивилизационного разграничения, на которые опирается настоящее исследование, не предполагают буквальной приверженности существующим типологиям, а исходят из их критического переосмысления в русле смыслоцентричного подхода. Понятие цивилизации в данном случае не сводится к культурно-географической или историко-экономической формации, как, например, у французского историка Фернана Броделя, одного из ключевых представителей школы «Анналов», где цивилизации рассматриваются как устойчивые структуры повседневной жизни, складывающиеся в течение длительного исторического времени – *longue durée*. В его концепции цивилизация соотносится с медленно изменяющимися основаниями коллективного бытия: экономическими укладами, социальными практиками и ментальными установками [Бродель 2008]. В то же время работа не воспроизводит в неизменном виде и геокультурную схему американского политолога Сэмюэла Хантингтона, автора концепции «столкновения цивилизаций», в которой православно-славянская цивилизация выделяется наряду с западной, исламской, конфуцианской и другими, исходя из религиозно-культурной матрицы [Хантингтон 2017].

Предлагаемый подход опирается на признание России как смыслового ядра особой формы цивилизационного существования – государства-цивилизации, обладающего не только уникальной исторической судьбой, но и онтологическим кодом, определяющим специфический тип коллективного бытия. В этом измерении речь идет о цивилизации, организованной не по модели культурной экспансии (характерной для Запада), а по модели соборной смысловой консолидации, где единство поддерживается не за счет

унификации, а через внутреннее принятие общей исторической судьбы, памяти и метафизики долга.

Если типологии Ф. Броделя и С. Хантингтона акцентируют внешние границы цивилизаций, то в рамках настоящей статьи принципиальное значение имеет не география, а антропологическое и символическое измерения. Цивилизация понимается как устойчивая форма трансляции коллективных смыслов, воплощенная в языке, образе человека, представлениях о справедливости, устройстве власти и восприятии исторического времени. В таком понимании Россия рассматривается не как часть более широкой православно-славянской цивилизации, а как самостоятельная цивилизационная сущность, сложившаяся в процессе преодоления внешних моделей модернизации при сохранении собственной метафизической вертикали и внутреннего ценностного ядра.

Такой подход позволяет выйти за пределы бинарной оппозиции «Запад – Не-Запад» и выстроить аргументацию вокруг устойчивых структур идентичности, преемственности и цивилизационного суверенитета. Россия здесь предстает не как региональный культурный ареал, а как субъект собственной символической истории, носитель альтернативного понимания времени, порядка, свободы и ответственности. Основания выделения цивилизации при этом имеют не картографический, а философско-антропологический характер: речь идет о цивилизации как способе быть-человеком в устойчивой системе смыслов, исторической памяти и внутренней целостности.

Разрушение границ цивилизационной безопасности

Разрушение границ цивилизационной безопасности означает не просто ослабление государственных институтов или утрату материальных ресурсов, но прежде всего размывание тех смысловых структур, которые определяют идентичность и целостность цивилизации. Цивилизация существует как система смыслов, определяющая границы коллективного самосознания. Когда эти границы начинают исчезать, цивилизация утрачивает способность к самосохранению, становясь нестабильной и подверженной внешним и внутренним процессам разложения. В подобных случаях может формироваться явление культурной травмы – состояния внутреннего разрыва, при котором общество утрачивает способность воспринимать себя как единую цивилизационную общность.

Одним из наиболее значимых факторов разрушения границ цивилизационной безопасности является глобализация, которая приводит не только к культурному многообразию, но и к уничтожению уникальных смыслов. Процессы унификации создают единое пространство, в котором цивилизационные различия перестают быть значимыми, а традиционные формы идентичности теряют устойчивость. Если цивилизация больше не обладает четкими смысловыми ориентирами, а ее культура утрачивает способность воспроизводить собственную систему ценностей, то возможности смыслового самовоспроизведения постепенно исчерпываются. В результате цивилизация перестает быть субъектом истории и становится объектом унифицированных глобальных процессов.

Внутренние изменения также затрагивают механизмы коллективного самосознания. Одним из таких процессов является ускорение информационных потоков, которое приводит к разрушению традиционных форм осмысления реальности. Информация больше не представляет собой связную систему смыслов, она распадается на фрагментированные, дискретные элементы, произвольно соединяемые в зависимости от внешних условий. Возникает эффект смысловой дезориентации, при котором у человека атрофируется восприятие себя внутри устойчивой цивилизационной структуры. В результате человек начинает существовать в потоке изменяющихся идентичностей, лишенных внутренней связности.

Одним из наиболее значимых последствий утраты смысловой целостности становится деформация способности к формированию долгосрочного цивилизационного горизонта. В традиционных культурах образ будущего вырастал из исторической не-

прерывности, укорененной в памяти предков и символическом порядке (см.: [Пазюк, Ефимова, Осипов 2022]). Будущее не воспринималось как произвольная конструкция, а являлось продолжением смысловой линии прошлого. В условиях ускоряющегося времени и нивелирования значимости преемственности оно [время] фрагментируется, превращаясь в совокупность абстрактных сценариев, лишенных связей с исторической глубиной.

Важным проявлением разрушения границ цивилизационной безопасности является ослабление культурных механизмов устойчивости, позволявших сохранять самобытность даже при внешнем давлении. Внешние импульсы и нововведения в настоящее время все чаще воспринимаются как само собой разумеющиеся, без осмысления их природы и последствий. В итоге чрезмерная открытость внешним влияниям ведет к утрате самостоятельности и размыванию оснований культурной субъектности.

Эффект смысловой дезориентации особенно разрушителен в сфере языка, искусства и образования. Когда язык перестает быть носителем уникальной смысловой структуры и средством выражения культурной глубины, упрощается и замещается универсализированными знаковыми системами, нарушается сама возможность символического различия. Согласно Людвигу Витгенштейну [Витгенштейн 2003], границы языка определяют границы мира, отсюда следует, что обеднение лингвистических форм ведет к сужению горизонтов мышления и разрушению коллективного воображения. Искусство, утратив связь с цивилизационным кодом и превратившись в механизм воспроизводства визуальных эффектов, становится частью индустрии, утрачивая метафизическую функцию отражения и преобразования реальности. Образование, заменяющее передачу смыслов алгоритмами технической подготовки, ориентированной на немедленное потребление информации, разрушает механизм преемственности, через который культура продолжает свое существование во времени.

В условиях разрушения границ цивилизационной безопасности нарушается механизм формирования идентичности, в результате человек, существующий в такой цивилизации, уже не ощущает себя ее носителем, а воспринимает ее как случайное окружение, которое можно изменить, адаптировать, подстроить под новые условия и, соответственно, подстроиться самому. В этом состоянии цивилизация становится неспособной к сопротивлению внешним угрозам, поскольку ее система смыслов уже не обладает внутренней логикой, позволяющей ей противостоять разрушительным процессам.

Глубинная деформация объектов цивилизационной безопасности

Ценности составляют основу культурной целостности цивилизации, поскольку именно через них обеспечивается внутренняя интеграция общества, преемственность между поколениями и устойчивость представлений о справедливости, добре, долге, свободе и ответственности. Они не существуют изолированно, а укоренены в культурных кодах, исторических традициях, мировоззренческих системах, задающих границы коллективного самосознания. Однако в условиях глобальных трансформаций происходит постепенное вытеснение традиционных ценностных структур и их замещение универсальными конструкциями, не согласующимися с конкретной культурной средой. Подобные нововведения приобретают абстрактный характер; их смысл формируется скорее в русле медийных и политических тенденций, чем в логике глубинных культурных процессов (см.: [Бардовский 2023]). В результате ценностная структура теряет внутреннюю устойчивость и превращается в гибкую, легко трансформируемую систему, утратившую прочную связь с традицией, межпоколенной памятью и культурным наследием. Так размывается стройная, логически выверенная и обоснованная опытом многих поколений единая картина существования, в результате чего человек перестает воспринимать себя как носителя определенной культурной традиции, а ориентируется на ситуативные модели, навязываемые внешней средой.

Ослабление культурной целостности – это длительный процесс, последствия которого становятся заметными в ходе трансформации механизмов воспроизводства смыслов. В настоящее время укореняются тенденции, в результате которых культура утрачивает стройность и превращается в совокупность фрагментов, не связанных внутренней логикой. Отдельные ее элементы могут быть заимствованы из различных цивилизационных традиций, однако при этом они лишены смысловой глубины, поскольку извлечены из исходной среды и адаптированы под стандарты массового потребления. Так возникает феномен поверхностной культуры, в которой традиционные смысловые структуры сохраняются лишь как внешние привлекающие внимание формы, утратившие прежнюю ценностную наполненность.

Разрушение объектов цивилизационной безопасности приводит к утрате внутренней потребности в принадлежности к устойчивому символическому порядку. В современном мире историческая память, традиции и нормы поведения больше не воспринимаются как непреложные ориентиры, а предстают в виде произвольного набора культурных элементов, предназначенных для ситуативного выбора. Однако смысл культуры заключается не в предоставлении выбора, а в обеспечении внутренней целостности, при которой индивидуальная судьба человека соотносится с более масштабной системой смыслов, закреплённых в цивилизации. Когда культура перестает выполнять консолидирующую функцию, человек оказывается в состоянии смысловой неопределённости, при которой самоидентификация становится подвижной и неустойчивой. Возникает разрыв глубинной связи между личностью и цивилизацией: человек больше не воспринимает себя как носителя традиции, а начинает существовать в логике индивидуализированного выбора, где культурные нормы превращаются в конструктор, лишенный внутренней обязательности.

Ослабление ценностной устойчивости обуславливается изменением механизмов смысловой передачи, происходящих в условиях цифровой среды. В традиционной культуре передача смыслов осуществлялась через непосредственное взаимодействие поколений, например через ритуальные практики или систему воспитания, при которой человек с ранних лет приобщается к смысловому пространству своей цивилизации. Цифровая среда не формирует целостную картину реальности, напротив, она порождает дискретные, подвижные смысловые конструкции, зависящие от внешних импульсов. В результате возникает эффект ценностного релятивизма: абсолютные нормы исчезают, а ценности начинают восприниматься как гибкие, подверженные постоянной модификации в зависимости от изменяющейся социальной или политической конъюнктуры. Такая трансформация реализуется через фрагментацию источников авторитета, стирание границ между знанием и мнением, а также доминирование алгоритмически формируемых информационных потоков, подстраивающихся под поведенческие реакции пользователя. Ценностям все сложнее укореняться в коллективной памяти, поэтому они не передаются как безусловные основания, а конструируются внутри медийных пространств, где их устойчивость определяется логикой тиражируемости, актуальности и эмоционального отклика аудитории.

Еще одним проявлением культурного разрыва становится изменение отношения к категории времени. Восприятие времени теряет целостность: прошлое утрачивает значимость, будущее перестает восприниматься как результат осмысленного движения вперед, а настоящее превращается в единственную значимую форму существования. Меняется сам способ осознания культурных и ценностных оснований, поскольку человек больше не чувствует сопричастности к исторической протяженности, а начинает воспринимать свою цивилизационную принадлежность как неустойчивое и изменчивое состояние, легко поддающееся внешнему воздействию.

Обеспечение цивилизационной безопасности как действенный способ существования в XXI в.

Для достижения успеха в области обеспечения цивилизационной безопасности важно правильно интерпретировать данную категорию. Безусловно, защита собственной цивилизационной идентичности и ориентация на прочие объекты цивилизационной безопасности прежде всего направлены на отстаивание государством-цивилизацией своего права на формирование собственного пути развития, основанного на уникальном культурном коде и традициях, и следование ему. Однако важно не достичь в этом процессе крайности – изоляции, которая всегда сигнализирует об отсталости, негибкости и тормозящемся развитии.

Цивилизационная безопасность – это в первую очередь баланс в системе «свой – чужой», а не антагонистические настроения. В современном мире сложилась непростая обстановка, связанная с цивилизационной безопасностью. И Россия оказалась в весьма непростых условиях, так как все объекты цивилизационной безопасности нашей страны были затронуты в противостоянии с западной цивилизацией. Единственная цель противников России – ослабить ее цивилизационные основания, чтобы диктовать свои условия дальнейшего взаимодействия, в котором не будет ни сотрудничества, ни равного диалога.

На этот счет очень емко и справедливо высказывался А. С. Панарин: «История мировых цивилизаций свидетельствует, что цивилизация способна претерпеть любой материальный урон и воссоздать себя, если уцелело ее ценностное ядро... Это в высшей степени актуально для современных обществ, и в особенности для России, ценностное ядро которой пытаются разрушить внутренние и внешние вестернизаторы, раздраженные сопротивляемостью российского “менталитета”» [Панарин 2002, с. 17]. В современной России отчетливо прослеживаются тенденции перехода от идеи интеграции с Западом на идею суверенного самобытного развития, направленного на собственные интересы и ценности (см.: [Сургуладзе 2023]). При этом усиление Россией собственной безопасности всегда воспринимается ее противниками как угроза (см.: [Панкратов, Морозов, Панкратова 2024, с. 240]), поэтому для нашего государства обеспечение цивилизационной безопасности становится непрерывным процессом, от успеха которого зависит дальнейший сценарий культурно-цивилизационного развития.

Важно отметить, что трудности объединяют и способствуют консолидации внутри общества. Так, по данным массового опроса (2020–2023 гг.) «как в результате воссоединения Крыма с Россией, так и в настоящее время, в ходе проведения СВО на Украине, имеет место консолидация российского общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны» [Горшков, Тюрина 2023, с. 731]. Тем самым для современной России, на наш взгляд, самым действенным способом обеспечения цивилизационной безопасности является как развитие и поддержание взаимовыгодного диалога с лояльными и дружественно настроенными государствами, так и консолидация внутри страны. Второй вариант, безусловно, является основополагающим. В этом контексте весьма уместным будет употребление термина «цивилизационный суверенитет» (правомерность и правильность выбора уникального пути развития), без которого обеспечение цивилизационной безопасности становится невозможным.

Заключение

Современные цивилизации находятся в процессе трансформации, характер и последствия которой не до конца ясны. Цивилизационная безопасность – это не вопрос технического регулирования или политических решений, а фундаментальная проблема существования человека в условиях глобального мира, в котором стираются не только границы государств, но и границы самих цивилизационных оснований.

Глобализационные тенденции, с одной стороны, расширяют горизонты взаимодействия между культурами; с другой – создают условия, при которых традиционные механизмы смысловой передачи теряют действенность. Размывание ценностных ори-

ентиров охватывает не только сферу нравственных представлений или коллективных норм, но и сам способ осмысления реальности, в результате это приводит к изменению форм восприятия человеком самого себя и своего положения в историческом времени.

Рассмотренные объекты цивилизационной безопасности раскрываются как средства преодоления угроз глобализирующегося мира. Цивилизационная безопасность – это не только охрана культурных форм, но и сохранение образа мышления, задающего представления о должном, справедливом и возможном. Независимо от того, какая мир-система в конечном итоге возьмет верх, ключевой задачей современной России остается защита собственного цивилизационного суверенитета.

Список источников

- Авксентьев В. А. Идентичность как фактор безопасности // Наука: комплексные проблемы. 2013. № 1 (1). С. 52–56.
- Бардовский А. В. Поворот России на Восток в контексте укрепления региональной и глобальной безопасности в Азии // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 97–105. DOI 10.24866/1813-3274/2023-1/97-105.
- Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / [пер. с фр.: Б. А. Ситников]. М. : Весь мир, 2008. 546 с.
- Великая Н. М., Тартыгашева Г. В. Кризис культуры в современной России: экспертное мнение и оценки населения // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 3 (22). С. 64–75. DOI 10.28995/2073-6401-2020-3-64-75.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира / сост. К. Королев. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 220–546.
- Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720–739. DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739.
- Колотуша В. В., Гуреева О. И. Культурно-цивилизационная идентичность в условиях становления полицентричного мира // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 114–118. DOI 10.21209/1996-7853-2020-15-4-114-118.
- Мелешин К. Ю., Шабалина А. Е. От концепта национальной безопасности к концепту цивилизационной безопасности как основе евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 2 (44). С. 143–152. DOI 10.22394/2073-2929-2023-02-143-152.
- Мишучков А. А. Цивилизационная идентичность в системе общенациональной безопасности России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 244–250.
- Пазюк Ю. В., Ефимова В. П., Осипов С. Н. Актуальные проблемы обеспечения цивилизационной безопасности России // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2022. Т. 72, № 3. С. 23–36. DOI 10.14357/20790279220304.
- Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Эксмо-Пресс, 2002. 415 с.
- Панкратов С. А., Морозов С. И., Панкратова Л. С. Обеспечение безопасности России как государства-цивилизации: диалектика войны и мира в XXI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 3. С. 231–244. DOI 10.15688/jvolsu4.2024.3.19.
- Сургуладзе В. Ш. Россия – государство-цивилизация: к вопросу о концептуальном видении роли страны в доктринальных документах государственного стратегического планирования // Власть. 2023. Т. 31, № 5. С. 22–32. DOI 10.31171/vlast.v31i5.9774.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2017. 573 с.
- Хлыщева Е. В. Фронтير идентичностей: проблема культурных границ // Журнал фронтальных исследований. 2018. № 2 (10). С. 61–69. DOI 10.24411/2500-0225-2018-00009.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : Free Press, 1992. 418 p.
- Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 192 p.

Информация об авторе

Андрей Андреевич Ковалев, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Andrey A. Kovalev, Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of State and Municipal Administration, Northwest Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 13.04.2025.

Одобрена после рецензирования | Revised 01.05.2025.

Принята к публикации | Accepted 01.05.2025.